

Алексей Хвостенко

Поэт и художник Алексей Л. Хвостенко родился в 1940 году. Из его графических циклов наиболее известны "(1965), "Инсулиновый шок" (1965-1966 ?) и "Как рушили Греческую церковь"(1966).

Как поэт, А.Х. широко известен с начала 60-х годов. В это время его называют первым из трех ведущих ленинградских поэтов (второй и третий - Л.Ентин и И.Бродский). Стихов того периода осталось немного - автор к началу нашего знакомства (1965) уже отошел от их поэтики и "сложил под спуд", - мы публикуем только одно из них: "Держитесь по-дальше...".

В 1964-1967 годах А.Х. основывает Верпу и пишет один за другим шесть разных по объему и жанру книг: "Десять стихотворений Верпы, посвященных Игорю Холину:"(1965), "Подозритель"(1965), "Собственно Верпаторий" (поэма, 1966) и, наконец, самый значительный, 6-ой сборник, - "Три цикла Верпы" (1965-1966), После окончания "Трех циклов ...". А.Х. задумал новую книгу стихов, "Захолустье", но намерение свое не реализовал. В это же время А.Х. пишет также и прозу; наиболее интересна его небольшая книга "Сообщение о делах в Петербурге".

Одним из первых А.Х. возродил жанр коллективного творчества: вместе с друзьями, -художником Ю.Галецким, поэтом Л.Ентиным и другими, - он пишет ряд драмагедий (термин Вл.Эрля), стихов и рассказов "обэриутского", как несправедливо принято сейчас говорить, толка. Наиболее известны драмагедии А.Х. и Ю.Галецкого "Сквозняк" (пьеса для среднего уха) и "Ученик Басе".

Но наиболее, конечно, значительным было сотрудничество А.Х. и Анри Волохонского: ими совместно написаны поэма "Ветеринар", трагедия "Домкрат", три большие пьесы для театра (не были поставлены, ныне утеряны) и целый ряд стихотворений.

Творчество А.Х. и его круга оказало громадное и, к сожалению, еще мало изученное влияние на целый ряд ленинградских поэтов и в первую очередь на поэтов и прозаиков группы Хеленуктов, функционировавшей в 1966-1968 годах (Вл. Эрль, Дм. Макринов, В. Немтинов и А. Миронов; отметим, что А.Х. входил в группу почетным членом).

В 1968 году А.Х. переехал в Москву.

В свой московский период (по 1977 год) А.Х. начал писать и исполнять под гитару песни. Поэт он их в основном на известные мелодии (Баха, Колтрейна, русских и американских песен...), тексты также принадлежат разным авторам — от Мандельштама до Волохонского и собственно Хвостенко. Его песни справедливо пользуются большой любовью всех, слышавших их.

Возвращаясь к нашей краткой публикации, следует сказать, что она проходит под знаком Верпы^х. Стихи, публикуемые ниже, взяты из "Трех циклов Верпы" и неосуществленной книги "Захолустье".

В.Р.
30.X.1977

х Верпа — не летательный аппарат и не таящийся зверь. Верпования — не охота на Рпанга. У Верпы были многие, плывущие вдоль, но не все находили выход из зарослей. Многие впадали, не уясняя себе, — но это их ошибка. А.Х. был счастлив в Верпатории — Бедный Рланг!.....

Держитесь подальше от улиц проезжих,
Бегущих прохожих, нездешних названий,
Держитесь за шляпой в очках

перламутром

Степенной походкой в пяти измереньях.

Держитесь октавой в расставленных

пальцах -

Так в узком проходе кровать

перекладин,

И девочка в виде стареющей груши

Съедает свой стебель в отваре из риса.

Держитесь подальше от уличных прений

В отпетом колодце из рубленных бревен,

И губы держите в отличие от мака

На белом листе папиросной бумаги,

Держитесь и ждите, буквально под

стражей,

Под обручем свадьбы, случившейся

рано,

Под тень алтаря, под шуршанье

порфиры,

Под шепот невесты смыкающей губы.

А город? Ну, что же! - за ставнем

стреножив

Размашистый бег, произвольный как имя,

Как бег колокольни под каменным

сводом,-

За оком зеваки откажет в ночлеге.

Грози,- не грози, а держитесь

подальше -

В простом расстояньи на согнутый

палец,

Соседи, прелесная дева в бокале

С поклоном подносит янтарной отравы.

Грози! - и в упряжке сожмет
коробейник
Запястье невесты, румяные щеки,-
Держитесь подальше от улиц
проезжих
В простом расстоянии на согнутый
палец.

1962 - 1963

ИЗОЛЯТОР

Они пока идут по ковылю
в кузнечика отравленное пузо
косматый бог овса качает грузило
хранит в руке растенья окорок
ах какой чудесный окорок
нам теперь покажет кузов
рак его как-будто обморок
в темных зарослях арбуза
тополь юноши бастилия
в ее коре образовалась трещина
печальный звук застыл в

подсвечнике

через год он будет лучником
в темноте скакать опричником
окон траурным наличником
локон пусть играет лучиком
в небе рыжем таракана
влага знает дно стакана
вулкана аиста поток
гриба взъерошенного тоненький

пустяк

он говорит подруге так
ты белая моя акация
твоих достоинств перегруженная

рация

напоминает мне солдатский палец
когда он в темноте окопа чешет

пятку

перед боем чудный танец
пуль играет повторенье
котелка походный глянec
знает наше нетерпенье
дальше виден стебель длинный
какой шалун его занес
на этот холм старинный

итак совсем не мудрено
что разгорелось оно
запас провизии и топливо
липнет к прутьям плоть его
и виден на дороге след
в густой пыли копыт и ног
он хочет выйти за порог
приласкаться к носорогу
войти в его берлогу
но где-то там повисла медь
в дупле пчелы невидимый полет
плывет медведя самолет
над бывшим руслом
его русалка знает путь
куда идти путем пустым
кому идти путем забытым
муравей проложит нить
странник видит эту клеть
и снимая с трупа китель
продолжает громко петь

декабрь, 1964 года

ЭЛЕГИЯ

Наступил на нас мороз,
говорить не можем слова.
Как подумаешь — тунгус
ждет богатого улова.

Звезда полярная — медведь,
кометы хвост ему назначен,
какихорощо в снегах лететь,
когда весь мир переиначен.

Когда подумаешь — узбек
песок кладет себе на брюхо,
а ты летишь наискосок
и перевесть не можешь духа.

Когда, качаясь, деревья
идут вдоль темного забора,
ты улетаешь в Ереван,
с усмешкой глядя на помора.

Помор! Зачем тебе вода?
Зачем ты плаваешь на льдине?
Смотри — еще летит куда
твой бог обугленный и синий.

Смотри еще бегут куда
твои угрюмые олени,
смотри — еще уйдут куда
детей невидимые тени.

январь, 1965.

/ к теме любви/

В трубе застряло облако. Топор,
забыв свой давний спор с инаковерцем,
скрипел по каменному дну землепроходца,
как тот комар, что с незапамятных времен
свалился с берега на тощий ил болот
и там искал свой молот.

Нам был виден
и край растенья, стиснутого морем
со всех сторон, и оборот коня,
влекомого охотником в сугроб,
затем охотник с головой коня,
/он рыщет по лесу с огнем в руке и
дудкой/.

Свистело небо в дырки барсуков,
катился шар жука по наковальне ...
И мы нашли ее. Она со всех сторон
была занятнее и веселей, чем глобус.
Любовь светилась, точно кактус,
когда в нем ищут блох индейцы,
она нам предлагала экскурс
по отпечаткам своих пальцев.
Любовь висела на пружинах
кустов и медленной поляны,
текла в ручьях, скользила под обрыв,
и там, замешкавшись, стонала
под тяжестью паров весенних и ночных.
Любовь происходила, как нарыв.
И этот воздуха порыв
с ней заодно кипел и удалялся,
и где-то в чаще повторялся
в сплетении корней.

Пеньков замшелых

груды

валялись под деревьями
печальным памятником прежних увлечений:

они напоминали баснописцев —
посланцев в мир глаголов и шнурков,
/им не хватало башмаков,
чтоб быть изящнее и несколько повыше/.
Да, их соломенные крыши
прогнили и светились,
когда в них, пробужденные, смотрелись
лягушки, бабочки, козявки, мотыльки
и пехотинца гвозди, вбитые в сапог ...
Любовь происходила как поток.
И мы неслись на щепке без подков,
без всех узлов и медных побрякушек,
без фитилей нарядов и подушек
под душным сводом лопухов.
И мир куском ольхи повис над
горизонтом,
когда все стихло.

Облако
вспорхнуло
на край трубы и там повисло
бантом
в пазах кирпичной кладки домны,
и только в рамке бронзовой
качался франтом,
повязанный шарфом Евгений томный.

март, 1965 года.

ПАМЯТНИК
ЛЕТЧИКУ МАЦИНЬЕВИЧУ

I. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

он умер первым из тех
кто умер вообще
последний раз он умер случайно
все последующие случаи
не рассматриваются нами
из соображений экономии места и внимания
внимания
и акцента внимания
на неотносящихся к делу подробностях

когда он умер
мы имеем
нам осталось
несколько листков пожелтевшей бумаги
написанных бисерным почерком
/несколько жизней-листочков
примыкающих быту отважного
летчика
капитана Мастуровича/ -
сотня истлевших листов кукурузной бумаги
с мертвыми цифрами
знаками
и условными обозначениями

когда он умер
мы есть
мы находимся здесь
/исследуя кладбище/
с сумкой из крокодиловой кожи
и шведскими кусачками
мы собираем цветы из железных букетов
вновь создавая на плоскости

мнимый букет
из железных цветов
на могилы почти незнакомых
Алеши Хвостенко
Юры Галецкого
Жени Михнова

когда он умер
мы здесь
мы читаем
"мои руки крепко сжимали руль
"и руки любимой
"мои ноги всегда
"шли по земле и траве
"и плотно упирались в Миллионную улицу
"я всегда умел предугадать погоду на завтра
"я съедал за обедом любимое блюдо
"я вешал одежду на крюк
"я умел и ждать и не ждать"

когда он умер
мы тут
нам подарили
свинцовую пластину с записью
слезного речитатива
по поводу смерти
отважного летчика Месиловича
в исполнении артиста оперетты:
его уж нет
какой конец печальный
как мысль была
от смерти далека
а между тем
уж саван погребальный
угрюмо держит
злой судьбы рука

и далее:

и за Российский флот
и за святое дело
погиб теперь
отважный капитан
Мир праху безумца Мытовича.

II. КРЕПОСТЬ НА КОЛЕСАХ

Длиною в милю или меньше
пути отрезок был привязан
к своим колесам.
По тем колесам ползали змеи
длиной не более обыкновенной змеи-ленты
и красотой напоминающие ужей.

И скорее всего
смерть отважного летчика капитана Мациневича
не состоялась.
Он не свалился на холодную землю
с высоты более 500 метров.
во славу русского флота.
И что он теперь в кепке и бриджах.
И что он теперь со своей улыбчивой смертью по дороге
происшествий змеи.

В самый разгар праздника русской авиации
во время полетов на рекорд высоты
самолет летчика Хвостенко
и самолет летчика Галецкого
и самолет летчика Иванова-Крамского
летели над облаками,
над лесами и озерами
над фонтанами городских парков
и фонтанкой.
Они немного видели то, что происходило внизу,
немного не видели ничего.
И в результате этого не имевшего места события,
не имевшего пейзажа и жанра,

а также времени и действия,
мы знаем удовольствие,
мы видим и ощущаем неудовольствие
от созерцания этих строк
и крепости-развалюхи на пыльной дороге.

МЕЛОДЕКЛАМАЦИЯ

лето, 1965.

Ш. ОН УЕХАЛ

памяти Велимира Хлебникова
хвала первым числам
каждого месяца
/когда уезжают/
хвала каждым суткам
начала недели
/когда уезжают/
хвала всем ночам
и секундам
/когда уезжают/

хвала летчику Митуричу
сумевшему выкроить время
чтобы выкрасть у времени
контуры гения
хвала летчику Хлебникову
сумевшему выехать
точно в положенный срок
хвала летчику-испытателю

Галецкому

погибшему в бане с похмелья
хвала летчику Мациневичу
открывшему
новую эру
в истории стихосложения
хвала
летчику Хвостенко
возвестившему
это

IV. НАПАСТИ ПЕСКОВ

посвящается
современнику Песков,-Некрасову
такого-то года
/это случилось совсем
недавно/

на песках
снесли Греческую церковь
-как это сделали!
-а это очень просто
привязали к канату огромный
каменный шар
и качая его
лупили по стенам
она и рассыпалась
-как? сразу и рассыпалась?
нет, ломали дня два
или три
- изрядно!

/нечто похоже на это
написал бы Некрасов/.

современник
хе-хе
подбежал
подскочил
похехекал
и снялся
на Никольское кладбище

хе-хе-хе
он сидел
он лежал в своей комнате
пледом завесив окно
хе
а на завтра
старушки хехекали -
 повалился забор
 укрывающий рухнувший храм
 придавил человека
 ребенка
 и управдома

хе-хе
дескать Бог наказал
хе-хе

Мациневич
лети Мациневич
на своем злополучном хе-хе
Мецупович
на своем хе-хе-хе-дирижабле

У. ПРОМЫСЛЫ

А.С.Пушкину

уже девица
дама
ее включила вентилятор
нажав на кнопку пальчиком
виски ее
седеют
и прохладность
бежит ее
как тысячи паломников
из Африки
бегут в Сибирь
чтоб насладиться зрелищем снегом

она
торгуется с приказчиком ее
/се есть разумное начало природы/!
но топнув ножкой
и пригрозив перстом
угрюмому юнцу
уже смеется:
"беги беги
не место
тебе на этой сковородке".
прыткий
он впрямь бежит
но в направлении обратном
бежит ее
/чем не челнок для гаубиц девицы/
он летчик
видит все вокруг

ей говоря:
"испортилась проводка
бегу чинить!"

и
лапками
засеменил по полу

УІ. ПРИЛИЧИЯ РАДИ
М.В.Ломоносову

"Правда, приятно согласие музыкальное, приятно
и колеры, но их приятность весьма разная",

"К чему кто склонен, тому то больше и приятно.
Не всем одна забава угодна."

/из речи академика И.Вейтбрехта о "Кла-
весине для зрения"/.

мы в колбочках теперь
летим в стекляшках
бусинах
летим теперь
и вежливо киваем встречным:
"с добрым утром
"здравствуйте
"когда
"мы снова встретимся
"на этом промежутке
"когда мы вновь
"в той паузе столкнемся лбами".

/ах, что за удовольствие
лететь на чистой ноте
иль плыть покачиваясь
на второй линейке
упрятавшись в бабью диеза/
и каждый раз
Суворова встречая
снимаем с головы ультрамарин

а колер полководца подбоченясь
нам тоже весело
кричат "ура" с Монблана

вот всем на удовольствие
война
за право
наслаждаться треньем
соприкасаясь с хрупкостью стекла
и щуриться
на яркие дощечки

х х х

НЕРПА ОБЕРТОЧНОЙ МЫСЛИ

Это не нам предназначено.

/Хемницер-поэт/

Ему/я имею в виду Державина/
было совершенно насрать на рыбу.
Он рассыпался на мелочь
и выпадал из кармана истории,
громко шлепаясь в петербургскую мостовую.

Мы, вспоминая его,
мы делаем его счастливым,
устраиваем его карьер в солянке русской литературы.
Вот видите: как он,
запряженный в лошадку первобытного Антиоха,
которого Антиоха Кантемира,
как он рысцой убегает,
как убегает,
бежит.

Я предлагаю вам,
оставив все прочие мысли,
заняться исследованием его кулинарных способностей.
Или нам надо спешить,
или лучше выяснить родословную Пушкина,
или прошибать калитку поэзии Пастернаком.

Я думаю:
ничего этого делать не надо.
Отправим несколько прозу на север,
на юг поэзию,
на запад имущество и технику,
а на восток китайцев.
Сами же останемся тут.
Здесь нам как-будто недалеко от России,
которую некогда посетил Гоголь,
которую посетил затем,
которую посетил чтобы,
которую посетил для.

осень 1965.

Ее бессмысленной и вредной доброт~~ой~~
На память мне пришли немногие черты
Некрасов

какой сегодня день
который год
я ничего уже не помню
не запоминаю
я не знаю своих мыслей своих желаний
сиду на диване на пенъке на полу
вот уже которую минуту ничего не происходит
не проистекает

мало мало быть больным
слыть больным
и есть кому
мало мало быть усталым
слыть усталым
никуда
мало мало быть забытым
слыть забытым
низачем

теперь это уже все не важно
теперь важно не это
теперь уже ничего не важно
о самом важном мы уже рассказали
КОГДА
мы не помним о чем было рассказано
что было забыто
пропущено

мало мало быть тараканом
слыть тараканом
позади
мало мало быть великаном
слыть великаном
иже мало мало быть пеликаном
слыть пеликаном
где

но и про нас сказано недостаточно
может быть после ночи святочной
мы увидим день у булочной
поспешим к нему на помощь
это нам необходимо
проникнуть в дерево купечества
на пороге младенчества
но это так уходит
так откровенно убегает
но его не надо брать
он милый и красивый брат
он собственно ужасный брат
гадкий и отвратительный брат
он брат

мало мало быть любимым
слыть любимым
перестать
мало мало быть ...
слыть
убывать

1966 год.

ВЕРШИНА РЕКИ

моему драгоценному пр.Ентину

О Ентино

ты где упало

где твоя потерянная рука

или ты оставил ее там

когда я последний раз проходил мимо

когда я последний раз проходил

меня очень удивило

что меня очень удивило

что ее не было

следующая глава начнется

с повторенья предыдущей

и займет места

немного не больше

притока Волги

или ее Дуная -

мамочка может плакать

о своем дитятке

оставленном в камышах

или

в камышах дитяти

рыдать на удивление всего рыболовецкого общества

это все зря

я могу поручиться

за пустячную затею с государственным рублем

могу ни за что не ручаться

могу не ручаться

Ентина вышла на удивление

приблизительность которой он съедает котлетку

вызывает приступы необъяснимого

необходимого веселья у них

вызывает у них икоту и рвоту

а скорее всего

ничего не вызывает у них

эта следующая глава
была последующей главой предыдущей
следующая будет правнучкой начала
начала всего плача по Ентино.

где ты Ентину
пропадаешь
в полезности родственникам
почему твое умерло
не умещается
вокруг папашиной хижины
и сам ты
когда идешь
неизвестно куда
зачем оставляешь
свое скелето приятелям

о милый Е-ентино
я плачу
я забываю
свою зеленую муху
упавшую в скорья воду
пустыню
отчаянно свежего сыра
независимое пепельницы
и
прочее

я не могу больше
я не могу
больше
ничего
писать не могу
и заниматься
охотой на щуку

серый ночь

Из цикла: "ПРАВДА О РПАНГЕ"

РЕЕСТР

собирать точки

в нескольких сантиметрах

в нескольких бумажных конвертах

в нескольких резиновых шляпках

/третья четверть XIX века/

собирать изумрудные ордена

из-за границы неуспеваний

из-за ссоры с соседями

из-за отсутствия выпивки

или спор:

он был

он не был

собирать картинки из журналов:

"Это теперь пригодится, это потом"

шрифтом крупным и мелким

это самоубийство в метро

это сообщено родителям

или это иначе

или это колокольчик на шее животного

или это компас живописи старых мастеров

/вокруг магнитного поля Сурбарана и Эль Греко/

или это насекомое отыскивающее банку с медом

или это иначе

или это иначе

возможно некоторое отступление от места

от продолжения поисков спичечного коробка

или просто завалившейся спички

от вокзала который забит бегущими

от девки которая не понимает чего она хочет

от папиросы набитой планом

от плана и распорядка дня в психиатрической лечебнице

от ложки супа

от чашки молока

от обезумевших клопов

от улитки
от муравьеда
от аиста
или это иначе
или это иначе
или это иначе

ПРОПОВЕДЬ

вы видели Рпанга
когда он трубил свои дули
и щедро раскидывал фиги
лягухам и жабам
с ружьишкой копался в навозе
и чванился
нам до-мажорем
твердя:

я швоим повшему
голошую
и даже шебя
готов принести на пошледок
штоб было опильно шчитать
ш-ш-шаровары и ш-шубы
и ш-шамые жубы
штоб грыжли орехи как хлеб
ия ия
ваши шопли я вытру
а-а-шкошным платком
добытым моими шлугами
иж недр напра-а

вы видели Рпанга
когда он напившись рыдал:

/нажови/ -

одна ножка ходи - другая годи
шовшем

а теперь
Рпанга на пузо
и клубиться
настало мновенье
радуйтесь гены
что Рпанга пузырь
уж не
геномобилен